

Российская Академия Наук
Институт философии

История Философии в формате статьи

history of philosophy
in the form of an article

сборник статей

составитель
и ответственный редактор
Ю.В. Синеокая

Культурная революция
Москва
2016

Составитель и отв. редактор Ю.В. Синеокая

Рецензенты:

доктор филос. наук И.И. Блауберг

доктор филос. наук, профессор В.В. Сербиненко

История философии в формате статьи [Текст] \ Культурная революция; Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Культурная революция, 2016. – 244 с. ISBN 978-5-902764-67-0

Цель книги – обсудить вопрос о том, какова роль философских статей в интеллектуальной и социальной жизни общества сегодня, поднять проблему специфики философской периодики как способа трансляции и развития философской мысли и средства коммуникации ученых, привлечь внимание отечественных интеллектуалов к истории философии как особой по значимости философской дисциплине, задача которой – дать прошлому будущее. Сборник несет и просветительскую миссию, он призван рассказать как философской общественности, так и широкому кругу читателей о знаковых историко-философских статьях и об их влиянии на интеллектуальную историю.

© Синеокая Ю.В., составление, 2016

© Коллектив авторов, 2016

© Культурная революция, 2016

Содержание

	Ю.В. Синеокая Предисловие <i>Краткая форма как умонастроение.....</i>	7
12	раздел 1 Историко-философская статья: отчет о жанре	
	М.Ф. Быкова О журнальной статье, ее роли и значении в философии	13
	Н.В. Мотрошилова История философии: статьи, их роль в науке и в публичном пространстве	35
	Э.Ю. Соловьев История философии в регистре публицистики	71
	А.А. Кара-Мурза Откуда рождаются философские статьи? («Философское краеведение» как метод и жанр историко-философского исследования)	110
	Ю.В. Синеокая Проблемы трансляции философского знания.....	121
140	раздел 2 Историко-философское эссе: case studies	
	А.Н. Круглов О том, как не следует писать статьи: три примера из обрусевшего Гегеля.....	141
	О.А. Жукова Идеиная борьба в русских интеллектуальных журналах начала XX века: В.Ф. Эрн как мыслитель и полемист	151
	Ю.Е. Федорова Статья как исследовательский жанр в историко-философской иранистике (на примере анализа сочинений Ибн Сины и Фарид ад-Дина Аттар).....	169
	А.Г. Жаворонков Историко-философский метод в немецком ницшеведении.....	198

А.С. Басов, Е.В. Логинов, Ю.И. Чугайнова Кто будет писать статьи? Абитуриенты и студенты философского факультета о философии..... 220

Сведения об авторах: 235

Contents

	Yulia V. Sineokaya Foreword. The Short Form as a Frame of Mind.....	7
12	section 1 Historico-philosophical article: report on a genre	
	Marina F. Bykova On Journal Article, Its Role and Significance in Philosophy.....	13
	Nelly V. Motroschilova History of Philosophy: Articles, their Role in Science and in Public Space	39
	Erikh U. Soloviev History of Philosophy in the Framework of Journalism	71
	Alexey A. Kara-Murza How are philosophical articles conceived? («Philosophical area studies» as a method and a genre of historical-philosophical research).....	110
	Yulia V. Sineokaya Problems of Transmitting Philosophical Knowledge	121
140	section 2 Historico-philosophical essay: case studies	
	Alexey N. Kruglov How papers should not be written: three examples of Russianized Hegel	141
	Olga A. Zhukova The Early Twentieth Century Ideological Struggle in Russian Intellectual Journals: V. F. Ern as a Thinker and Debater.....	151
	Yulia E. Fedorova Article as a research genre in the historico- philosophical field of Iranian Studies: the analysis of Ibn Sīnā's and Farīd al-Dīn 'Aṭṭār's writings.....	169

Alexey G. Zhavoronkov Historico-Philosophical Approach in the German Nietzsche Studies.....	198
Alexander S. Basov, Eugene V. Loginov, Julia I. Chugainova Who will write articles? Applicants and students of the faculty of philosophy about the philosophy	220
Contributors.....	236
History of Philosophy in the Form of an Article. <i>Summaries</i>	237

Нелли Мотрошилова История философии: статьи, их роль в науке и в публичном пространстве

Аннотация

Автор, защищая тезис о преимущественном и непреходящем значении лучших философских книг как для истории философии, так и для культуры в целом, посвящает свою публикацию философскому и историческому анализу некоторых статей, написанных великими философами прошлых столетий (примеры – статья Канта «Что такое просвещение?» и миниатюра Гегеля «Кто мыслит абстрактно?»), и некоторым известным философским статьям, написанным в так называемое «советское время» (проанализированные примеры: так называемая тройственная статья – авторы Мамардашвили, Эрх Соловьев, Швырев; публикация в «Вопросах философии» текста Гвардини с сопроводительной статьёй Пиамы Гайденко). Особый фокус анализа автором выдающихся статей (как объектов «case studies») – проблемы происхождения шедевров такого жанра из «публичного пространства (мира)» и обратное транс-историческое влияние лучших философских статей на философию, культуру в целом и на «жизненный мир» (Lebenswelt).

Ключевые слова

лучшие философские книги, их преимущественное трансисторическое значение; лучшие статьи в истории философии; Кант и его статья «Что такое просвещение?» («Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?»); Ге-

гель и его статья «Кто мыслит абстрактно?» («Wer denkt abstrakt?»); «жизненный мир» или «публичное пространство», взаимовлияние «жизненного мира» и философских статей

**Предисловие: О тематике
и специальных поворотах предлагаемого анализа**

Изменившийся в последние годы статус научных статей в практике науки и вне ее породил немало оживленных споров и – что случается реже – специальных исследований. В частности, мне, как и ученым различных специальностей, довелось перед лицом трудностей и перекосов мирового, а в его составе и отечественного управления наукой, выступить в печати и устно, причем в различных аудиториях, против возникшей вне науки и по сути вздорной, весьма опасной тенденции, состоящей в принижении роли лучших научных книг как традиционной и, на взгляд многих специалистов, вполне эффективной современной формы определения наиболее весомого вклада ученых, мыслителей (особенно в гуманитарной науке, в культуре в целом) в сокровищницу научных исследований¹. Были продемонстрированы существенные изъяны как в международных, так и в отечественных системах отсчета количества публикаций, основывающихся на неудовлетворительных отборах основных журналов².

Абсурдность ситуации, которая создана в российской науке распоряжениями самых различных управляющих инстанций, может быть подтверждена таким конкретным примером: за очень короткое время число именно статейных публикаций в так называемых «лицензируемых» журналах, необходимых даже для выхода на защиту докторских диссертаций, возросло до 16 единиц. При этом книги, если они и признаны образцовыми в соответствующих дисциплинах, как бы не в счет! Ясно что, в соответствии с подобными требованиями провалился бы, скажем, Кант, профессор университета, уже опубликовавший бессмертную в веках «Критику чистого разума», ибо он не наскреб бы среди своих публикаций 16-ти статей... Один знакомый мне современный рос-

¹ См. подборки статей в сборнике «Измерение философии». (М.: ИФРАН, 2012).

² В своих статьях, помещенных в сборнике «Измерение философии», я придирчиво проанализировала список отобранных журналов Web of Science и «лицензионных» журналов РИНЦ по философии. Показана их несостоятельность в той части, в которой они включают много журналов, не имеющих серьезного отношения к философии и, наоборот, исключают немало журналов с признанными философскими публикациями (См. выше названный сборник, с. 76–98).

сийский профессор философии с международно признанным именем, автор ряда солидных книжных публикаций, в том числе зарубежных, доктор наук с более раннего времени, не знавшего подобных абсурдов, не насчитал именно шестнадцать своих статей, именно в российских в «лицензионных журналах» по философии!

В самом по себе повышении роли статей не было бы ничего опасного, если бы чиновные предложения и меры не были бы доведены до абсурда. (Нелишне, кстати, философски поразмышлять о том, почему современность преуспела в подобных «абсурдизациях»...). И потому неправильно не считаться с тем фактом, что значение статей в нашу эпоху ускорения, дефицита времени возросло также и в гуманитарных науках.

Вот почему объективно потребовалось ближе и конкретнее рассмотреть существенную, возможно, и возрастающую роль (высококласных, конечно) статей в гуманитарном научном поиске, в нашем случае в применении к философии вообще, к истории философии, в частности и особенности.

Так случилось, что в первые десятилетия XXI века возможности для включения в дискуссии по обширной совокупности релевантных проблем предоставили семинары, конференции, специальные встречи с молодыми учеными.

В предлагаемом очерке проблематика научных, главным образом философских статей (с уклоном в историю философии) будет рассмотрена в необычном, вместе с тем, как представляется, существенном ракурсе.

1. А именно: разбирая близкую мне тему статей, взятых в основном из истории философии, а также историко-философских статей (что не одно и то же), равно используя классический (в широком историческом смысле) и пост-классический мировой опыт, буду, во-первых, реализовывать «осовременивающее (историко-философское) воспоминание» (термин Э. Гуссерля) о некоторых славных, *успешных феноменах статейного жанра*.

Речь прежде всего пойдет о статьях, вышедших из-под пера великих мыслителей, которые получили всемирную трансисторическую известность *в первую очередь* как авторы влиятельнейших книжных публикаций – и которым, *вместе с тем*, удавались также шедевры малого объема и формата. Их статьи, трактаты, очерки, эссе и другие небольшие (в сравнении с книгами) сочинения тоже часто становились настоящими событиями, вписанными в человеческий духовный опыт, своего рода отдельными, яркими камнями в корону с крупными бриллиантами парадигмальных (книжных) произведений этих корифеев науки и культуры. Они, малые формы, также включались в богатейшую сокровищницу, которую оставляет в наследство всему человечеству та

или иная эпоха, накапливают отдельные страны, народы. (Эти констатации: «в первую очередь» и «вместе с тем», какими бы ясными и даже банальными они ни казались, по существу перечеркнуты современными горе-реформаторами, и не только в России...)

По ходу исследования классического материала, а потом и специально в кадр нашего анализа войдут в качестве примеров также статьи современных авторов (второй половины XX и XXI веков). Это, к примеру, упоминаемые или разбираемые работы тех отечественных философов (они же – историки философии), чьи сочинения прошли проверку в том смысле, что уже получили высокую оценку со стороны отечественного и мирового сообщества.

Разумеется, и по отношению к работам классиков философии, и применительно к статьям коллег советского и постсоветского времени приходилось осуществлять и отбор, и определенную критическую рефлексию. Конкретный же выбор отдельных статей в качестве объектов исследования (осуществляемого мною с позиций теории и метода социологии научного, в том числе философского познания), с одной стороны, определялся моими личными подходами, предпочтениями, знаниями. Но с другой стороны, не требуют особых обоснований идеи о высоком значении тех классических статей, которые разбираются в данном очерке. Что следует оговорить, так это полную оправданность для других авторов оперировать иными примерами, классическими или современными, ибо шедевров такого формата, достойных анализа в качестве своего рода парадигмальных образцов, история мысли, культуры всех времен и народов накопила во вряд ли обозримом количестве. Кроме того, рассмотрение той или иной статьи в качестве некоторого «образца» отнюдь не предполагает, что в ее адрес в свое время не были высказаны или не могут быть сделаны сегодня достаточно весомые критические замечания.

2. Внимательный анализ статей, избранных здесь для исследования, может, а по моему мнению, и должен показать, что они рождаются как в совершенно определенном социо-культурном, так и в общем духовном, а также специфическом именно для философии и для философских продуктов «публичном пространстве». Это как будто современное понятие, конечно же, имеет достаточно определенные смыслы для каждой эпохи, ситуации и для каждого крупного этапа развития цивилизации в целом, а также и особых, специфических форм цивилизации.

Внутри совокупной, поистине необозримой проблематики имеются специфические культурные социально-исторические блоки, воздействие которых в каждом отдельном случае надо принимать во вни-

вание. Например, это конкретная организация духовной жизни, роль идей, ценностей духа, культуры в той или иной стране, в то или иное время. Но это также и конкретные духовные в широком смысле констелляции (идей, ориентаций, императивов) каждого отдельного философа, о работах которого идет речь.

При этом некоторые позиции, изначальные и принципиальные, в сущности единые для разных эпох и несходных продуктов духа, должны быть хотя бы кратко определены еще до рассмотрения отдельных статей.

3. Под публичным пространством имеется в виду прежде всего «жизненный мир», если использовать термин Э. Гуссерля («Lebenswelt»), сегодня широко употребляющийся и подразумевающий области деятельности, возникшие еще до мира науки (включая философию), а потом располагающиеся вне ее. Активное взаимовлияние этих двух «миров» – равно исторический факт и большая, трудная проблема. Философы, какими бы различными терминами они ни пользовались, постоянно и неизменно имеют в виду – таковы цели, устремления философов и традиции философии всех времен и народов – также до-философское, вне-философское жизненное пространство и стремятся на него воздействовать. Но сам этот мир вне философии уже как-то повлиял и влияет на философию и философов.

4. Надо оговорить и принципиальную возможность, как и необходимость в случае анализа того или иного конкретно-исторического опыта философии (на примере отдельных статей) прочерчивать складывающиеся в определенный период трансисторические, впоследствии видоизменяющиеся, но и сохраняющиеся структуры и закономерности.

Теперь, когда особые углы зрения в осуществляемой здесь работе в целом определены, приступим к разбору отдельных статейных образцов классической, а потом и современной нам философии.

Первой будет рассмотрена – но в относительно новом исследовательском повороте – как будто бы известная статья И. Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?»

«Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» (И. Кант)

Статья Канта с таким названием входит в достаточно обширный комплекс так называемых «Малых работ» («Kleine Schriften») великого философа. Каждая из таких публикаций имеет не малое, а очень большое значение, с поры их опубликования не исчезая из коллективной памяти и творческих сфер деятельности человечества. Если взять, к

примеру, знаменитый кантовский трактат 1795 года «К вечному миру», то сегодня нетрудно увидеть: это сочинение в конце XX и в XXI веках оказалось чаще других вспоминаемым и используемым произведением философии в ее истории, включая современную.

Никак не меньшее внимание современников и потомков приковала обсуждаемая статья о Просвещении.

В немецко-русском издании сочинений И. Канта мы посвятили I том (М., 1994) кантовским трактатам и статьям, написанным после «Критики чистого разума», в 1794–1796 годах. Были осуществлены тщательная проверка и корректировка существовавших к началу 90-х годов XX века русских переводов наиболее значительных статей и трактатов Канта критического периода. А отдельные статьи для этого издания были переведены вновь. Самым главным основанием для того, чтобы вынести именно в I том издания эти произведения, была уверенность в их непреходящем социально-историческом значении, включая, конечно, общекультурную и, в частности, *внутрифилософскую роль*. Двадцатилетие, прошедшее со времени выхода в свет I тома нашего издания, подкрепило эту уверенность.

Сама по себе статья И. Канта (оригинальное название – «Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?») многократно обсуждалась в историко-философской литературе.

Для начала нам очень важно – и это общее требование для переведенных работ – определиться с тем, какой вариант ее перевода на родной язык используется интерпретаторами в каждом случае (в нашем случае – на русский язык). Ибо предпосылкой понимания статьи в ином культурном пространстве должны служить оригинальные тексты или их переводы, тщательно сверенные с оригиналами и максимально добротные. И хотя это требование как будто элементарное, оно весьма часто не соблюдается. Но ведь тогда ошибки, неточности перевода как бы множатся, а нередко становятся основой ложных интерпретаций.

Далее, самое лучшее, если конкретному изучению, тем более исследованию классических статей будет предшествовать осмысление именно: а) публичного духовно-исторического контекста возникновения обсуждаемой статьи; б) понимание специфики позиции, занимаемой данным мыслителем в целостности духовных (в их числе философских) позиций, значимых для той или иной страны.

Теперь будем анализировать само содержание статьи Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?»

Она может служить ярким подтверждением ранее высказанной мысли: великий или выдающийся философ в совсем небольшой статье, от-

кликаясь на животрепещущие и «публично» значимые события своего времени, способен высветить проблемы и предложить решения обще-исторического смысла и значения.

* * *

...Одно актуальное замечание о совсем недавнем историческом контексте, учет которого свидетельствует: эта небольшая статья живет, именно живет своей исторической жизнью. Во время сравнительно недавних, 2014 года, юбилейных обсуждений этой статьи (ей исполнилось 220 лет) на конференции в Калининграде, в Балтийской университете им. Канта мы вместе с профессором РГГУ А. Кругловым были приглашены на встречу с философской молодежью. Темой стали как раз философские статьи и именно кантовская работа о Просвещении. Акценты в оценке и понимании кантовской статьи «Что такое Просвещение?» у Круглова и у меня оказались несколько различными, хотя (как я думаю) и взаимодополнительными.

Две статьи А.Н. Круглова, имеющие отношение к обсуждаемой малой работе Канта, опубликованы¹ – и я рекомендую современным читателям предварительно изучить их, особенно, конечно, советую это философам, тем более историкам философии, которые хотели бы глубже вникнуть как в оригинальный контекст всего массива релевантных публикаций конца XVIII века, так и в особенности публичного пространства, в которые поместилась статья Канта.

Исследование А.Н. Круглова – как всегда глубоко, тщательно и, пожалуй, несравненно для российской литературы, – обобщенно и конкретно принимает в расчет то широкое публичное обсуждение еще до Канта центральной, а потом и Кантом затронутой темы «несовершеннолетия» (Unmündigkeit), взятой в социальном смысле этого слова. А.Н. Круглов провел беспрецедентные для отечественной истории философии историко-лингвистические исследования этого термина как в литературе на немецком, так и даже на церковно-славянском языках. Далее, от анализируемой здесь кантовской статьи о Просвещении исследование А.Н. Круглова протягивает нить к другим работам И. Канта («Критика способности суждения», «Антропология с прагматической точки зрения» и др.).

¹ Круглов А.Н. Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Часть I // Кантовский сборник. Калининград, 2014. № 3 (49). С. 19–39; Круглов А.Н. Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Часть II // Кантовский сборник. Калининград, 2014. № 4 (50). С. 39–53.

Одним словом, и в упоминаемых здесь статьях А.Н. Круглова запечатлелся его «фирменный» историко-философский стиль: тщательная работа с источниками (часто с архивными), собирание исследуемого материала в теоретическую целостность, релевантную обсуждаемой проблематике. (Возможно, из рассмотрения А.Н. Кругловым широкого, именно публичного контекста и из анализа сходных по теме философско-теоретических откликов вытекал его упрек Канту в том, что великий философ сузил поле философско-теоретических поисков по столь животрепещущим темам.) И такое сужение имеет право на существование. Но мне представляется, что поиски, запечатлевшиеся в кантовской статье, – на фоне больше ситуационно-определенных акцентов и в сравнении с работами мендельсоновского типа, – имеют то преимущество, что у Канта вырабатываются формулы, подходы, ответы и решения, приобретшие затем огромную *трансисторическую* значимость (что не исключало и особого значения основных тезисов кантовской статьи именно для того времени). Дальше, уже при текстологическом анализе статьи Канта, попытаюсь обосновать свои оценки.

* * *

Кант намеренно выносит в самое начало статьи и подчеркивает курсивом (в прямом и в переносном смысле) свое, именно свое, главное для него *определение Просвещения* – соответственно тому, что «Просвещение» можно было определять, да оно и определялось по-разному – в частности, в зависимости от того, какие аспекты, формы, что именно из исторической и содержательной целостности, раньше подведенное под это название, имелось в виду. Кант не входит во многие детали. Он сразу, что называется с места в карьер, дает *свое определение* – и им по существу ограничивается: «*Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия (Unmündigkeit), в котором он находится по собственной вине*»¹ [S. 035]. И поясняет, что под несовершеннолетием именно по собственной вине он в частности понимает такое (несовершеннолетие), причина которого «заключается не в недостатке рас-судка, а в недостатке решимости и мужества (der Entschließung und des

¹ Цитирую упомянутую статью в ее переводе, сделанном Ц.Г. Арзаканяном и отредактированном Т.Б. Длугач для двуязычного издания Сочинений И. Канта (см. *И. Кант. Сочинения* на немецком и русском языках, подготовлены к изданию Н. Мотрошиловой и Б. Тушлингом. Т. I. М.: Издательская Фирма АО «Ками», 1994. Далее страницы по оригинальному немецкому Академическому изданию указываются в скобках в моей статье – *Н.М.*

Mutes) пользоваться им без руководства со стороны кого-либо другого» [Там же]. Кант ссылается на слова Горация «*Sapere aude!*», что как раз и значит: «Имей мужество пользоваться *собственным* рассудком!» [курсив Канта]. Именно такое понимание (что документально доказал в своих ранее упомянутых статьях А.Н. Круглов) парадигмально и для значимых *книжных публикаций* Канта. Акцентируем еще раз существенный момент: здесь – лишь один пример, еще раз показывающий, что у великих и выдающихся философов их крупные книжные публикации и малые (статейные) формы, как правило, образуют нерасторжимое теоретическое целое. В силу чего приходится повторить: не учитывать малые публикации неверно, а пренебрегать значением фундаментальных книг полностью абсурдно...

В заключительной авторской сноске к статье Канта читаем: «В «*Wöchentliche Nachrichten*» Бюшинга от 13 сентября [тоже 1784 года – *Н.М.*] я прочитал сегодня, 30 числа сего месяца, ссылку на номер «*Berlinische Monatschrift*» [1784, 9.Stück, S.193–200. – *Н.М.*] за этот месяц, в котором опубликован ответ г-на *Мендельсона* по тому же вопросу. Я этот номер еще не получил, иначе воздержался бы от ответа, который здесь может [рассматриваться] только как попытка такового, когда случайно возможно совпадение мыслей» [там же, с. 041–042]. Это примечание Канта в очередной раз демонстрирует, сколь насущными и распространенными для культуры в целом, *для публичных дискуссий* были задаваемые временем вопросы и быстро предлагаемые ответы – и сколь настоятельно, а также обстоятельно и в постановке вопросов, и в нахождении ответов участвовали философы. Вопросы же буквально носились в воздухе публичного пространства.

Проведем оценку современного кантоведа Г. Иррлитца: «В ответе [на заданный вопрос – *Н.М.*] Мендельсон идет по совершенно другому пути, чем Кант в своей сжатой статье... Акценты Канта можно лучше всего понять через сравнение со статьей Мендельсона. *Кант концентрируется на одном пункте*. Мендельсон обдумывает, как бы взвешивая и положительное (*Gutes*), и вызывающее затруднения. Он исходит из триединства просвещения, культуры и *Bildung*¹, имея целью прове-

¹ «*Bildung*» обычно переводят как «образование». И это – по отношению к общепринятому языку – не является ошибкой. Но применительно к немецкой классической философии, что показано в соответствующей историко-философской литературе, простой перевод неполон и неточен, и наиболее заметные мыслители Германии анализируемого времени, употребляя это понятие, всегда имели в виду комплексное содержание, объединяющее и образование, и формирование индивидом самого себя как личности.

сти тонкие различия, а также расположить рядом с духовной культурой еще и материальную...»¹ (Далее у Иррлитца идет обсуждение целого ряда конкретных аспектов мендельсоновской статьи, в сравнении со статьей Канта, что само по себе очень ценно, но не входит в кадр нашего относительно лапидарного сопоставления).

Центральный, в данном случае, пункт – это уже наш ответ на вопрос, означает ли (верно отмеченное Г. Иррлицем) сосредоточение Канта на «одном пункте» – (в сравнении, скажем, с более многомерным анализом М. Мендельсона и других авторов) недостаток его статьи, как думают, по-видимому, некоторые интерпретаторы наших дней и как полагали отдельные их современники?

Далее предложу свой ответ уже на этот вопрос. Полагаю, дерзнуть в весьма краткой статье (в нашем двуязычном издании она занимает чуть больше 10 страниц) на многостороннее, многоаспектное осмысление было бы по меньшей мере наивно. Но главное, впрочем, не в этом, ибо упомянутая статья М. Мендельсона «Über die Frage: was heißt aufklären?» – «О вопросе: что означает «просвещать»?» в собрании его сочинений (Ges. Schriften Bd. 6/1, 1981) тоже занимает 5 страниц.

Основное вижу в следующей особенности разбираемого малого сочинения Канта: он намеренно сосредоточился на том «одном пункте», который конкретно увязал, как мы видели, лишь со способностью или неспособностью индивида, с его «решимостью и мужеством» – благодаря Просвещению – пользоваться своим рассудком (Verstand) «без руководства (Leitung) со стороны какого-либо другого».

Тем самым Кант достиг такого (заранее им обдуманного, запланированного) результата: он, во-первых, «отвлекся» от всех специфических – исторических и каких-либо иных – особенностей, итогов просветительских процессов, от того, какие именно индивиды (взрослые или дети, молодые или старые, женщины или мужчины, какого они цвета кожи, к какой нации принадлежат и т.д.) проходят через процессы Просвещения.

Конечно, можно сказать о каких-либо конкретных итогах Просвещения – например, о том, что люди благодаря им, делаются более грамотными, более знающими, менее суеверными и т.д. Но по отношению к основному смыслу слова, к его звучанию подобные «разъяснения» явились бы своего рода повторами.

Также возможно говорить о связанных с Просвещением социальных процессах, например, о повышении уважения к человеку (это также отмечено в статье Мендельсона). Но это – тоже одно из социальных

¹ Gerd. Irrlitz. Kant-Handbuch. Leben und Werk. Stuttgart. Weimar. 2002. S.416.

следствий. Кант же, избирая свои контрапункты, концентрируется на том, что, благодаря Просвещению, происходит в мире самого индивида, притом *инвариантно по отношению к различиям между индивидами, а также к различиям в социальных, исторических условиях*. Иными словами, Кант интересуется тем общим, даже всеобщим, что происходит постоянно, неизменно, инвариантно – независимо от того, называют ли эпоху, как это случилось в XVIII веке, «Просвещением», имевшим место в ряде стран, или именуют ее как-то иначе.

При этом Кант, как сказано, выделяет *самое для него важное, ибо постоянно и неизменно происходящее, коль скоро имеет место и удается* Просвещение – умение, решимость, отвагу отдельного человека пользоваться своим рассудком, причем делая это *совершенно свободно, самостоятельно*, а не (только) под руководством, тем более не под давлением других людей. Полагаю, его научно-философский выбор имел очень серьезный, большой трансисторический смысл, что стало яснее по прошествии веков, когда историей были опробованы, при объединении или противопоставлении друг другу, самые разные просветительские процессы и акции.

Только пунктиром, намеком могу высветить такой существенный исторический, в том числе историко-философский пункт: в своей гениальной «Феноменологии духа» Гегель тоже говорит о Просвещении как бы намеком, не конкретно-исторически, а типологически, зарисовывая «гештальт» (обобщенную форму) Просвещения обобщенно, также и «загодя» по отношению к будущей истории, к будущим просветительским процессам. А по отношению к прошлому (для Канта очень недавнему и все еще длящемуся в его настоящем) у Гегеля зарисовываются противоречия, даже «ужасы» бытования исторической эпохи Просвещения, соответственно своей эпохе, но также и «загодя» по отношению к будущей истории, к будущим просветительским процессам. А применительно к прошлому (для Канта очень недавнему и все еще длящемуся в его настоящем) у Гегеля зарисовываются противоречия, даже «ужасы» бытования исторической эпохи Просвещения, когда она перелилась в кровавые события революции...

Избрав свой особый угол зрения в определении (говоря уже по-гегелевски) гештальта Просвещения, Кант пролагает путь *анализа в специфическом жанре*, который в истории философии, к сожалению, недостаточно четко распознан и определен. Я его характеризую, акцентируя следующие основные черты.

Уже сказано о 1) его *концентрированности на мире индивида*, где в единстве предстают его рассудок, его самовосприятие, его деятель-

ность, и где 2) анализ, как сказано, все же ведется в трансиндивидуальном (или *всеобщем для индивидов*) ключе, в обращении к миру индивида как таковому, *в отвлечении от всех возможных индивидуальных или исторических различий*. Правомерны ли такие отвлечения в философии? Полагаю, что вполне правомерны, и они, по существу, имеют место в различных образцах философских размышлений и знаний.

Вместе с тем Кант отнюдь не склонен *полностью отвлекаться в своем специфическом анализе* от социально-исторического контекста индивидуальных «миров» (сознания, действия, чувств, аффектов и т.д.). Но и они взяты в сугубо обобщенном, по сути трансисторическом виде и значении.

Дальнейший анализ статьи подтверждает и иллюстрирует сказанное. Второй абзац, который можно озаглавить кантовскими словами «Ведь как удобно быть несовершеннолетним!», – текст остроумный, блестящий, жизненный, почти житейский – равным образом говорит об эпохе Канта и о язвах уже нашего времени. «Если у меня есть книга, думающая за меня, духовник, совесть которого заменяет мою, врач, предписывающий мне какую-либо диету и т.д., то я не нуждаюсь в том, чтобы утруждать себя. *Мне нет необходимости мыслить, если только я в состоянии платить*; другие займутся за меня этим докучливым делом» [курсив мой – Н.М.].

В тексте Канта часто встречается эта форма: говорится и о «каждом человеке», иногда повествование ведется от первого лица («если у меня...»). Она как раз и означает (для Канта, да и для нас): в делах, которые описываются, не было, нет и не будет исключений, ибо речь действительно идет о «каждом» из нас, о всех нас – во всеобщем срезе истории. (Потенциально это направлено против всех социально-утопических проектов, постулировавших возможность кардинальной «переделки» индивидов и «выведения», выращивания нового человеческого типа).

Рассматриваемые здесь мысли Канта о «несовершеннолетии каждого отдельного человека», из которого индивидам трудно выбраться (ибо оно стало для них «почти естественным» и даже удобным), подтверждаются историей, и опытом каждого из нас, если мы отнесем к делу объективно и добросовестно.

3) Кант прочно объединяет два центральных понятия своей статьи – это «совершеннолетие» и «свобода». Казалось бы, их объединению в реальной жизни должно способствовать следующее: «Для такого просвещения не требуется ничего, кроме *свободы*, причем самой безобидной из всего того, что может называться свободой, а именно свободы во всех случаях *публично пользоваться своим разумом*» [S. 036-037].

Кант лукавит: свобода в таком акцентированном им (здесь с помощью курсива) понимании, а именно – *«публично пользоваться своим разумом»*, вовсе не «безобидна». Что Кант, собственно, и подтверждает, когда набрасывает достоверные, до боли знакомые людям всех времен, включая наше, структуры социального мира, функция которых – *«внушить индивиду идеи и настроения прямо противоположного характера: «не рассуждайте, а верьте»*¹. Что такие «внушения» очень действительны, не требует доказательств.

Не буду пересказывать страницы статьи, на которых блистательно описаны такие структуры и их соответствующие главные идейные «спутники» («говорят») – со своими подопечными, подчиненными – типологически представленные офицер, советник министра финансов, духовное лицо...). *«Здесь всюду, – точно резюмирует Кант, – ограничения свободы»* [курсив мой – Н.М.]. Отношение Канта к подобным, во все времена распространенным, ограничениям неоднородное. Философ уточняет: «частное применение» индивидом своего разума (и рассудка) должно иметь ограничения, а *«публичное применение [индивидом – Н.М.] своего разума должно быть свободным»*.

Кант приводит интересное разграничение, которое тоже имеет трансисторический, а потому также современный нам смысл, и касается именно деятельности «ученого» (в кантовском, не узко институциональном понимании). Если ученый (по образованию и призванию) одновременно состоит на официальной государственной службе, он обязан, прежде всего, следовать государственным же установлениям и правилам. *«Здесь, конечно, не дозволено рассуждать, здесь следует повиноваться»* [037-037]. Аналогично – об офицерах. Они должны исполнять приказы. Однако и здесь, и там государственный чиновник или военный, состоящие на службе у государства, могут выступать, рассуждает Кант, также и в качестве ученых. И тогда им все равно нельзя, считает великий философ, публично делать некоторые послабляющие общие предложения (скажем, рассуждать о возможности невыполнения приказов на военной службе или неуплаты налогов в гражданской сфере). «Но все же, несмотря на это, его действия не противоречат долгу гражданина, когда он, если он ученый, высказывает свои

¹ Кант говорит об «одном – единственном на свете» повелителе тогдашнего мира, прусском короле, Фридрихе II, который как бы смягчал и варьировал этот призыв к «подданным»: «рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, но повинуйтесь!» (там же). Звучит откровенно и ... современно (дескать, пишите и говорите, что вам угодно, а «мы» все равно будем поступать так, как угодно *нам*, властвующим).

мысли о неприемлемости или даже несправедливости подобных предписаний» [S. 037-038].

Эти рассуждения, неортодоксальные, смелые в эпоху Канта, не устарели и сегодня. Последующие страницы статьи и их формулировки, отнесенные к другим областям деятельности, тоже звучат вполне актуально. Для истории социальной действительности, для государств и народов современно звучат следующие слова Канта: «Критерий всего того, что может быть принято в качестве закона для народа, заключается в вопросе: принял бы народ сам для себя такой закон?» [S. 039]. Сколь многие «законы», принятые в разных странах и в разное время (в том числе в современной России), не отвечают этому простому, четкому критерию!

Заключительная часть краткой, но значимой на все времена статьи Канта связана со следующей проблемой: «Если задать вопрос, живем ли мы теперь в *просвещенный* (aufgeklärten) век, то ответом будет: нет, но мы живем в век Просвещения (Aufklärung)» [039–039]. Аргументы просты и ясны, они вполне значимы и для нашего времени: «Еще слишком много недостает для того, чтобы при сложившемся положении вещей в целом люди уже были бы или только могли бы быть в состоянии надежно и хорошо пользоваться своим собственным рассудком в делах религии [добавим: и во всяких других социальных делах – *Н.М.*] без руководства со стороны кого-либо другого» [039–040]. Одновременно Кант не упускает из виду имеющиеся «явные» признаки «свободного совершенствования в этом...» [040–041].

Заключает Кант свою статью утверждением о том, что он «выделил основной момент просвещения», не забыв с горечью добавить: «Таков странный и неожиданный оборот дел человеческих, да и вообще, если рассматривать их в целом, то почти все здесь парадоксально. Большая степень гражданской свободы кажется предпочтительнее свободы духа народа, и все же первая ставит последней непреодолимые преграды...» [041].

Кант вполне мудро и трезво заканчивает свою небольшую, но емкую статью не бодрячески-утешительными словами, а горестным реалистическим утверждением о парадоксальности «дел человеческих», особенно когда речь заходит о соотношении свободы индивида и самих этих «дел», взятых в их общесоциальной, исторической совокупности. Все сказанное им хорошо вписывается в трудное осмысление острых противоречий между реализацией индивидуальных прав и свобод и тревожным состоянием общественно-исторических порядков, совсем несторонними свидетелями которых являются также и люди нашей эпохи.

Вечный вопрос – «Кто мыслит абстрактно?» (Гегель)

«*Wer denkt abstrakt?*» – так назвал свою краткую статью (она занимает чуть более 6 книжных страниц) великий Гегель. Но написал он ее тогда, когда еще не был признан «великим» философом, что случилось позже. С точным датированием написания статьи и ее опубликования в гегелеведении были свои проблемы. Ее относили то к йенскому, то к нюрнбергскому периодам. Теперь, после тщательной атрибутивной работы, проделанной выдающимся немецким гегелеведом Г. Киммерле, статью включают в бамбергский период становления Гегеля, а написание датируют приблизительно апрелем-июлем 1807 года. Что немаловажно: ведь в творческом становлении Гегеля, как известно, двигавшегося к вершинам философского развития относительно медленно (особенно в сопоставлении с блистательно-быстрым восхождением звезды Шеллинга), остро полемическая, можно сказать, задорная статья все же принадлежит перу «более молодого» Гегеля.

На русский язык статья «Кто мыслит абстрактно?» была впервые переведена Эвальдом Васильевичем Ильенковым и сначала опубликована в журнале «Вопросы философии» (1956, №6).

В жизни и становлении каждого человека, который даже в самых неблагоприятных для этого условиях выбирает *профессиональную философию* как свое дело и свою судьбу, бывают особые удачи. Одной из самых ранних удач на пути к философии ряда когда-то молодых представителей моего поколения (и меня самой) было то, что некоторым студентам философского факультета МГУ в середине 50-х годов XX века повезло учиться у молодого тогда преподавателя кафедры истории зарубежной философии Эвальда Васильевича Ильенкова. В специальных представлениях этот замечательный, яркий, страстный человек, философ по призванию и судьбе, не нуждается.

Но особо хочу отметить: в 1955 году он как раз и переводил эту статью Гегеля на русский язык. Так случилось, что я – среди других однокурсников занимаясь у Ильенкова, – в те годы, во-первых, уже интересовалась немецкой философией, а во-вторых, входила в небольшую команду студентов, под руководством Эвальда Васильевича переведившую отрывки из книги Г. Лукача «Молодой Гегель» (дальнейшая судьба этого перевода мне неизвестна).

Одним из первых вопросов Эвальда Васильевича, только пришедшего преподавать нашему курсу (а среди сокурсников были впоследствии известные философы – например, Г. Батищев, В. Межуев, В. Садовский, М. Козлова, Л. Науменко, А. Володин и др.) был такой: как у вас,

ребята, обстоит дело с овладением иностранным языком (в то время таковым для большинства из нас был немецкий)? Окончив хорошую московскую школу с преподавательницей-немкой, я в студенческой группе не испытывала особых трудностей с университетским обучением немецкому языку. Но вопрос Ильенкова имел специфический смысл. Он хотел выяснить, *способны ли мы читать немецких философов в оригинале и тем более переводить их тексты*. Сразу почувствовав, как высоко Ильенков поднимает эту планку для студентов с историко-философской ориентацией, я решительно изменила систему своих занятий языком и на выпускном пятом курсе, в 1956 году, не случайно выбрала для дипломной работы не переведенный к тому времени II том «Логических исследований» Гуссерля. Ее писала под научным руководством своего учителя профессора В.Ф. Асмуса.

А в 1955 году Э.В. Ильенков как раз и шлифовал свой перевод гегелевской статьи «Кто мыслит абстрактно?»; он знакомил нас, студентов, с этапами своей переводческой работы, уже тогда, в противоречивых условиях, описывать которые здесь нет места, да и специально не требуется, пришло первое понимание того, какой смысл, близкий нам, тогдашним молодым людям, несет эта маленькая статья, написанная автором, еще только обещавшим (да и то для самых прозорливых наблюдателей) стать великим философом.

Теперь кратко охарактеризую это понимание смысла гегелевской статьи, и не в таком виде, в каком оно сформировалось в середине 50-х годов XX столетия, а в том, каким оно мне представляется сегодня, в первые десятилетия XXI века. Кратко скажу о том, что считаю самым главным в этой статье Гегеля.

Статью пишет формирующийся философ, который – выражаясь современным языком – в широком публичном пространстве чуть ли не повседневно сталкивается с недоверием, подозрениями, если не с осуждениями философии со стороны окружающих людей, у которых иные занятия, профессии, жизненные цели. И такое вечное противостояние кратко и ярко зарисовано в зачине статьи: «Мыслить? Абстрактно? *Sauve qui peut!* – «Спасайся, кто может?» – наверняка завопит тут какой-нибудь наемный осведомитель, предостерегая публику от чтения статьи, в которой речь пойдет про «метафизику». Ведь «метафизика», как и «абстрактное» (да, пожалуй, как и «мышление»), слово, которое в каждом вызывает более или менее сильное желание удрать подальше как от чумы»¹.

¹ Статья цитируется по: *Г.Ф.В. Гегель. Работы разных лет в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С.389.* Далее страницы по этому изданию приводятся в тексте моей статьи.

Это жизненное, даже житейское размежевание хорошо знакомо чуть ли не каждому из тех, кто в молодости избирает уделом своей судьбы именно занятие философией. И мы, студенты, изучавшие гегелевскую статью в 50-х годах XX века, и тогда, и впоследствии сталкивались с подобным противостоянием. (Для людей философской профессии оно, в сущности, неизбывное.)

Обращу внимание и на такую специфическую деталь: Гегель сразу выводит на сцену многоплановых обвинений в адрес философов (далее обсуждаемых в статье) ... «наемного осведомителя»! И нам, московским студентам 1955 года, жившим через 150 лет после опубликования статьи Гегеля, не надо было объяснять, кто такие «осведомители». Ведь лишь за два года перед этим умер Сталин; до XX съезда оставался всего один год, – но каким же трудным он был для многих людей! «Пространство», в котором в советский период пришлось родиться, выживать именно философской мысли (к ней, в частности, имел прямое отношение Эвальд Ильенков), было густо заселено «наемными осведомителями», а также «осведомителями добровольными», осведомлявшими, что называется, по зову сердца... И не дай-то Бог нынешним молодым в своей жизни столкнуться с усилением влияния всяческих «осведомителей», в том числе тех, которые – как правило, философски невежественно, чисто идеологически, – «осведомляют» о таких тончайших вопросах философии, как «метафизика» или что-то подобное (но лишь с точки зрения идеологической «неблагонадежности»). Вернемся к гегелевской статье.

Гегель сразу же выводит на сцену обсуждения противостояние весьма широкого плана – притом опять-таки «вечное» с тех пор, как появляются особые «философские», да и вообще «мыслительные» профессии. Это – в самом общем виде – поистине «вечное» подозрение очень многих людей, внеинтеллектуальных, особенно внефилософских занятий в том, что именно «мыслители», прежде всего философы, но и вообще склонные к философствованию (и в то же время, как думают они, «неблагонадежных» рассуждений...), хотят завлечь обычных индивидов в дебри «абстракций».

Дальнейший стиль и характер гегелевской полемики предопределяется заведомым философско-теоретическим решением, которое уже в это время и особенно в дальнейшем становилось фундаментальным для учения Гегеля. В полном виде оно воплотилось в его знаменитой концепции восхождения от абстрактного к конкретному. Не случайно, кстати, что эта гегелевская теория располагалась и в центре гегелеведческих и марксоведческих исследований Эвальда Ильенкова.

В этой теории восхождения *абстрактное* изначально определялось Гегелем как мышление заведомо одностороннее, застревающее на своих упорных односторонностях и не принимающее в расчет необходимость *сложного движения к многостороннему, целостному пониманию*, которое Гегель как раз и именуется «*восхождением от абстрактного к конкретному*». Важно, что определение Гегелем того, что есть «абстрактное», а что – «конкретное», коренным образом меняется по сравнению с чем-то «общепринятым», с ходячими и до сего времени стереотипами. Гегель, кстати, не предупреждает об этом широких читателей. Не посвящает он их и в детали своих философских подходов и исходных определений. Он просто обрушивает на них некие результаты, способные ошеломить и обывателей, и иначе мыслящих философов. (Правда, в период создания разбираемой статьи гегелевская философская концепция «восхождения» еще только формируется).

Согласно «общему мнению» абстрактно рассуждают как раз «шибко ученые», «просвещенные», далекие-де от жизни философы. А вот вопрос и ответ Гегеля: «Кто мыслит абстрактно? Необразованный человек, а вовсе не просвещенный» [С. 391]. Вслед за этим лапидарно, тезисно набрасываются яркие, как бы срисованные с жизни картинки, пародирующие и бытовой спор некоей старой торговки с молодой модницей, и общение слуг с господами, и реакции людей из толпы, наблюдающих на улице за препровождением убийцы на казнь. Везде автор статьи движет один специфический замысел: он хочет как можно более ярко, раскованно, переходя на уровень сочного бытового «описания», что называется зримо, продемонстрировать сугубую односторонность и предвзятость тех позиций, которые он по-ученому, по-философски непривычно объединяет с помощью термина «абстрактное».

...В философский разговор вписывается язык улицы, подслушанный формирующимся мыслителем, и не просто на улице, но даже – о ужас! – на рынке. «Эй, старуха, ты торгуешь тухлыми яйцами! – говорит покупательница торговке. – Что? – кричит та. – Мои яйца тухлые?! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты! Да не твоего ли отца вши в канаве заели, не твоя ли мать с французами крутила, не твоя ли бабка сдохла в богадельне! Ишь, целую простынь на платок извела! Знаем, небось, откуда все эти тряпки да шляпки! Если бы не офицеры, не щеголять тебе в нарядах! ... Дырки бы на чулках заштопала!» [С. 393]. Помню: когда Эвальд Ильенков зачитывал нам свой перевод таких пассажей, он был весел и ироничен. Казалось, он, талантливый сатирический художник, как бы видит персонажей статьи Гегеля и готов сделать к этой статье зарисовки-карикатуры. Этот свой талант он, к слову, развер-

нул позднее, влившись в талантливейшую группу художников, настоящих профессионалов, делавших крамольную стенную газету Института философии, впоследствии запрещенную РК КПСС (в эту группу карикатуристов, кроме Ильенкова, входили А. Зиновьев, Б. Драгун, Е. Никитин).

Вернемся к статье Гегеля. Гегелю было важно с помощью таких ярких образов показать глубокую жизненную и повседневную ускоренность того, что он называл «абстрактным», т.е. односторонним, предвзятым мышлением – причем укорененность равно и в среде простолюдинов, и в чиновном сословии, и в других социальных стратах. Но и рассерженная торговка для Гегеля – простой, но, однако, очень массовый пример: «Она мыслит абстрактно, и все – от шляпки до чулок, с головы до пят, вкупе с папашей и остальной родней подводит исключительно под то преступление, что та нашла ее яйца тухлыми» [там же]. Все абсолютно верно – причем применимо, разумеется, не только к спорам торговки всех времен и стран с покупательницами... А разве разговоры и ссоры именно в «публичном пространстве» на его различных уровнях, пусть и более приглаженные и как бы утонченные, не строятся по тому же шаблону? В обобщенный контекст хорошо вписывается ссылка на высокопарные, самоуверенные суждения (скажем, ответственных чиновников), носящие характер заведомых «приговоров», нередко смертельно опасных для тех, в чей адрес они выносятся. Один гегелевский пример особенно ценен для истории культуры – с точки зрения его ответа на основной вопрос статьи: «Кто мыслит абстрактно?». «Помню же я, – пишет Гегель, – как некий бургомистр жаловался в дни моей юности на писателей, подрывающих основы христианства и правопорядка; один из них даже осмелился оправдать самоубийство – подумать страшно! Из дальнейших разъяснений выяснилось, что бургомистр имел в виду «Страдания молодого Вертера» [С.392].

И опять-таки поистине вечная структура: сколько таких «бургомистров» и прочих радетелей, борцов (будто бы) за «основы христианства и правопорядка» еще до Гегеля выносили подобные вердикты, сколько их было при его жизни и еще будет в дальнейшей истории!

С Гегелем вполне возможна – да и полезна – заочная полемика. Например, о том, подходит и его особая терминология («абстрактное» – «конкретное») для обсуждения затронутой куда более специальной проблематики. Но не признать всей ценности этой работы, перемещающей темы философии в более широкий смысложизненный контекст, было бы несправедливо.

Но заканчиваются все эти как будто чисто бытовые, вроде бы пародийные зарисовки маленьким, но вполне серьезным, социального

значения пассажем о том, что происходит «среди военных»: «у пруссаков положено бить солдата... Посему рядовой солдат и выглядит в глазах офицера как некая абстракция субъекта побоев...» [с. 384]. Вот так и построена эта маленькая «проба пера» будущего великого философа.

В статье пленяют и другие беглые иронические рассуждения – о том, например, что в обществе, где представители разных слоев и занятий как будто бы насмеяются над «абстрактным» (в их понимании) – те же обыватели и «просвещенные люди» на самом деле питают к абстрактному мышлению «известное почтение, как и к чему-то возвышенному...», – и это почтение даже «имеет силу предрассудка...» [с. 391].

Кратко повествуя об этой статье великого Гегеля, я не склонна утверждать, что здесь перед нами – действительно великое произведение малого жанра и формата, по глубокомыслию и влиянию сопоставимое со статьями Канта, тем более критического периода. Но статью-миниатуру все же советую прочесть и обдумать – отнюдь не для того, чтобы забыть о ее недостатках, слабостях. А хотя бы для того, чтобы понять, сколь важны для философа, и формирующегося, и зрелого, самые разные отрезвляющие экскурсы его ума и чувства в сферы – выражаясь в терминах Э. Гуссерля – «жизненного мира», беспредельного мира жизни вне науки, в частности, вне философии, т.е. сферы, для философии и науки публичные.

**Философские журнальные статьи
(так же и как отражение путей развития
профессионального журнала –
на примере «Вопросов философии»)**

В этом небольшом экскурсе не предполагается давать подробный анализ связи – очевидной, но и постоянно требующей конкретного исследования – между работой, судьбами центрального для нашей профессии журнала «Вопросы философии» и характером, т.е. содержанием и формой напечатанных за его непростую историю статей отечественных философов. По этому вопросу, к счастью, существует обширная, добротная исследовательская и мемуарная литература, доступная широкому читателю. Впрочем, есть «широкие писатели» и ораторы, сегодня выступающие по любому поводу, например, в блогах. Их отличие: они не проводят сами никаких исследований и с уже существующими исследованиями, как правило, не знакомятся, добыванием фактов не занимаются и вообще с ними не считаются. Зато они «специа-

лизируются» на разгроме «советской философии», зачисляя в этот блок лучших, настоящих профессиональных мыслителей советского времени. Один из них сравнительно недавно в публичном выступлении на ТВ заявил примерно следующее: Мамардашвили работал в журнале «Вопросы философии» в советское время, а значит, он подавлял свободную философскую мысль! Оставим все на совести блогера (если, конечно, в данном случае можно говорить о наличии совести...).

Историческая проблема в том, что Мераб Мамардашвили (о личности и громадном научно-теоретическом, нравственном вкладе которого в отечественную и мировую философскую мысль существуют огромная и далее постоянно пополняемая масса исследований) считается, в силу сложившихся обстоятельств, мастером совершенно особого философского лекционного жанра. Важно, что Мераб Константинович читал для всегда большой аудитории постоянно преследуемые в несвободной стране лекции, – притом философские лекции высокого класса, что признано в нашей стране и за рубежом. Кстати, здесь еще один пример того, что профессиональная философия способна не просто выживать, но и развиваться, оказывать влияние также и в публичном пространстве «закрытых обществ», т.е. в эпохи и в странах с самыми неблагоприятными для этого социально-политическими условиями. Вместе с тем проблема статей в высшей степени релевантна и в разговоре о Мамардашвили. Во-первых, в том смысле, какие статьи он заказывал и «пропускал» в журнал, работая в нем в советское время.

Утверждение, будто Мамардашвили, работая в разные годы в журнале «Вопросы философии», «подавлял», «отвергал» настоящие философские статьи – столь же бредовое, столь и клеветническое. (Вряд ли существует хоть один достойный обсуждения реальный факт, которым можно было бы подтвердить этот бред блогера). Вместе с тем Мамардашвили осуществлял (знаю это по собственному тогдашнему опыту) настоящий контроль за философским качеством статей, невзирая на личные пристрастия и, наоборот, антипатии.

Что касается работ самого Мамардашвили, то среди них были также и образцовые, парадигмальные статьи – например, напечатанные в сборнике с названием кардинального, исходного для нашей профессии значения «Как я понимаю философию». В своей книге 2007 года «Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт» я уже предложила свое толкование философии и личности Мамардашвили, прочерчивая линию непреходящей значимости его идей. При этом именно *статьи* Мераба Константиновича, объединенные в

различных сборниках, были основным материалом для анализа. В недавнее время последовали мои дополнения к текстам о Мамардашвили – например, была проанализирована, как документ эпохи, так называемая «тройственная статья» в «Вопросах философии», авторами которой были М. Мамардашвили, Э. Соловьев, В. Швырев (на деле были опубликованы две их статьи – в №12 за 1970 год и №4 за 1971 год; затем, доработанные и дополненные, они были перепечатаны в книге «Философия в современном мире». М., 1972. С. 28–94). Эта статья, что могут подтвердить многие философы из тогдашних и последующих поколений, вызвала широкий публичный резонанс, и не только в философии. Я уже разбирала «тройственную статью», подробно выражая свое мнение о специфике ее тематики, о ее исследовательской глубине и большой прогнозирующей силе¹. Если бы все авторы ее были живы, я бы пожелала им высказаться по тем же темам сегодня – но увы... Вместе с тем статьи на сходные обобщенные темы явно затребованы современной историей. Уверена, и в современных условиях не устарели ни проблематика тройственной статьи, ни расширяющееся доказательство возможностей «сложения» достаточно разных философских талантов, остроты, прозорливости взгляда каждого из авторов и эффекта совмещения несходных, но взаимодополнительных углов зрения. А сколь бы нужным, именно парадигмальным, могло быть исследование того, что уже для философии нашей эпохи является «классическим», а что совершенно новым, сейчас рождающимся – «неклассическим»! Но как бы повторить на сегодняшнем этапе коллективный научный подвиг трех выдающихся авторов советского времени очень трудно, если вообще возможно.

После этой преамбулы возьму – уже для конкретного анализа – один из номеров «Вопросов философии» постсоветского времени с целью подтвердить идею о тесной взаимосвязи трех высоких уровней духовного развития: а) зрелости «публичного духа», зависящего от истории, от традиций духа всего мира и (нашей) страны, от накала публичной мысли в тот или иной период истории; б) достаточно высокого уровня, на котором уже находится наш философский журнал; в) мировой уровень отдельных статей, что опять-таки подтверждает существование высокой планки реальных требований, предъявляемых благодаря всей работе журнала.

¹ См. по этому вопросу: *Н.В. Мотрошилова*. Тройственная статья, ее значение и акценты//Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академический проект, 2012.С.269–275.

Case study: «Вопросы философии», № 4 1990 года как духовное зеркало своего времени

Недавно мне попался в руки № 4 журнала «Вопросы философии» за 1990 год. Анализ материалов использую как убедительный и репрезентативный пример (case study) того, насколько существенно требования, предъявляемые к журнальным статьям и выполняемые в них, зависят от заметных социально-исторических перемен, от зрелости – в данном случае – философской мысли в той или иной стране в определенное время, а также, наконец, от тех вполне конкретных лиц, которые определяют духовно-нравственное профессиональное лицо как того или иного журнала в целом, а так же и каждого его выпуска.

Итак, 1990 год. Всего несколько лет перестройке. Известно, какое это было трудное, противоречивое время – для всего бытия страны, и для повседневной практической жизнедеятельности, и для доменов духовной культуры. Можно ли было ожидать, чтобы в большой державе, целые десятилетия терзаемой дефицитами, ущемлениями свободы, идеологическими запретами и утеснениями, все в одночасье обустроилось в первые перестроечные годы? Если были люди, которые питали на это надежды, верили щедро раздаваемым либеральным обещаниям, то с ними – с болью, с разочарованиями, даже отчаянием – пришлось расставаться как раз в разрушительные, бандитские 90е годы. И вот показательный парадокс: с одной стороны, культура, включая науку и образование, в первую очередь страдала как от исторически неизбежной, так и от «рукотворной» разрухи, порожденной социально-экономической стихией и неспособностью лиц и объединений, которым в руки упала власть в огромной сложной стране, справиться с масштабными историческими вызовами. Но, с другой стороны, *именно в культуре были на удивление быстро и четко проложены пути, спасительные для возрождения и даже для обновления идей, ценностей, установок творческого духа.* Здесь, в очерке, пусть и посвященном периодическим изданиям, нет места подробно говорить, в частности, об огромной роли, которую в этом процессе духовного обновления сыграли журналы, как литературные, публицистические, так и специально-научные. Вот почему, кстати, профессиональный анализ (с точки зрения методов социологии познания и культуры, а также просто с позиций умных, тонких, объективных, а не ангажированных наблюдателей) обнаруживает в массиве литературных, политико-публицистических, научно-дисциплинарных журналов достаточно высокий уровень зрелости, критичности, профессионализма, массовости отдельных жур-

налов, а также их заметное влияние на расширяющееся публичное пространство. Но еще важнее понять, в каком историческом темпе и благодаря чему соответствующие научно-отраслевые журналы были способны – или, наоборот, неспособны – шагать в ногу со временем, тем более опережать его.

С моей точки зрения, «Вопросам философии», нашему главному философскому журналу удалось нащупать здоровый духовный пульс эпохи ранних 90-х, в ходе которых *преобразования духа, культуры по своему качеству далеко превосходили социально-экономические и политические преобразования*, если главными критериями считать позитивные воздействия на судьбы страны, на ее будущее.

Как оказалось, духовным сферам – искусству, литературе, гуманитарным дисциплинам (особенно в лице корифеев этих областей) и соответственно лучшим журналам – не потребовалось долгих сроков, чтобы во многом избавиться от идеологических нашлапок прошлого и заявить о себе как своеобразных центрах формирования новых духовных феноменов, подведения итогов такого развития духа, которое не прекращалось даже в наиболее мрачные годы советского времени. Оно, это в тенденции творческое развитие, оживлялось в периоды оттепелей, пусть и непрочных, так что к 90-м годам накопились потенциально плодотворные результаты, вряд ли явные для поверхностного взгляда, но уже готовые выйти к свету исторической рампы.

Названный номер «Вопросов философии» начала 1990 года, как я полагаю, способен полностью подтвердить и проиллюстрировать сказанное – применительно к нашим дисциплинам.

Достаточно присмотреться к содержанию (наугад взятого) номера журнала и к тому, творчество каких людей определило его содержание. Во-первых, его авторами стали: корифеи российской гуманитарной культуры; известные, признанные философы; молодые ученые, сравнительно недавно, но уже уверенно работавшие в философских дисциплинах нашей страны. Никому из них к этому времени не требовалось специально «приспосабливаться» к перестройке, к вызовам, предъявленным к свободе и новаторству духовного творчества. Скажу больше, здесь – одно из частых, но ярких проявлений особого феномена, который уже зафиксирован в мета-исследованиях постперестроечного периода: формы и результаты деятельности подобных личностей не только, разумеется, в сферах духовной культуры, но все более мощно и «чисто» именно в них, подталкивали в нашей стране к фундаментальным социальным изменениям. И еще действовала закономерность, фундаментальная для всей человеческой истории: как раз с

накапливающимся духовно-творческим потенциалом можно было связывать, особенно в России, и возможности, и будущие пути назревших перемен и обновлений. Но это вопрос, который во всей его конкретности требует специального внимания. Вернемся к обсуждаемому номеру журнала.

Выступают в нем авторы с тогда уже громкими, а впоследствии – с классическими именами. Это Д.С. Лихачев с его краткой (менее 4-х страниц) статьей «О национальном характере русских». (Статья представляла собой расширенный текст выступления Дмитрия Сергеевича в телевизионной передаче «Философские беседы», которая в те годы шла на центральном телевидении – по инициативе и под руководством И.Т. Фролова). Если представится возможность, перечитайте статью Д.С. Лихачева – она и сегодня не только не утратила, а повысила свою актуальность, нравственную и духовную ценность. Исходный посыл – слова Д.С. Лихачева: «Будем свободны в наших представлениях о России» [с. 3]. И другие его слова уже о XXI веке и сегодня заставляют о многом задуматься: «Я мыслю себе XXI век веком развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющее талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которой должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести – вот, что нам нужно в XXI веке» [с. 6]. XXI век в масштабах истории тогда был ближайшим будущим. Он оказался куда более жестким и опасным историческим временем, чем то предполагали – больше в мечтах и желаниях, чем в обоснованных предсказаниях, – даже светлые умы эпохи. И все-таки высказанные Д.С. Лихачевым требования к людям этого столетия (и не только к «нам», гражданам России), остаются, как и прежде, ценностными ориентирами, обращенными и к отдельным личностям, но также и к основам, устоям желаемой, затребованной государственной политики в сферах образования, науки, культуры в целом.

Остается вопрос, столь же трудный, сколь и горький: удалось ли России, ее государственной власти, ориентироваться на это «нужное» («нам» и всему миру) или, к историческому несчастью, произошла «перестройка наоборот», когда ценности, сформулированные Д.С. Лихачевым, классиком российской культуры и гуманитарных наук, все более утрачивали свое значение для практики, для повседневной жизни людей, для развития цивилизации в нашей стране? Начальные десятилетия

XXI века, увы, не внушают оптимизма. И то, что обо всем этом продолжают спорить в наше время, усиливает значение идей и тревог корифеев отечественной культуры, подобных Лихачеву.

Другой классик отечественных гуманитарных наук, выступивший в анализируемом номере журнала, – блистательный историк средневековой культуры А.Я. Гуревич. Его статья «Социальная история и историческая наука» в высшей степени глубока и важна. По критериям исследования, реализованным в этой работе, можно еще и сегодня мерить редко достигаемую добротность анализа, тонкость подходов, убедительность доводов, необычайную широту охвата релевантной литературы на нескольких языках – словом, все то, что отличает творческий стиль А.Я. Гуревича. И сама статья доказывает также всю неслучайность ее опубликования, как и других статей этого автора, именно в философском журнале. Статья методологическая, обусловленная «размежеванием исторического знания на множество дисциплин» [с. 28], а также поисками сопряжения между исследованием социально-исторических, экономических и т.д. структур – и «структурами ментальными, духовными», т.е. поисками их единства [с. 29]. Все это проблемы, которые постоянно вызывают интерес у специалистов в гуманитарных науках и обязательно вливаются в философское осмысление истории. В более конкретные проблемы высококлассной, как и все им сделанное, статье А.Я. Гуревича, я здесь не могу вдаваться. К слову, полагаю, что весьма весомый вклад этого автора в отечественную культуру недостаточно – сравнительно с ролью других видных ученых, мыслителей советского времени – исследован уже в наши дни, когда появилась, к счастью, объемная и качественная исследовательская литература о духовном наследии советского периода.

Не буду ни перечислять, ни тем более подробно характеризовать другие публикации превосходного номера «Вопросов философии», ставшего здесь предметом анализа. Перейду к характеристике материала, к которому хочу привлечь особое внимание коллег и всех интересующихся историко-философской проблематикой. Это именно историко-философская публикация и вводная статья, которые считаю образцовыми в своем роде и жанре. Статья написана блистательным автором – Пиамой Павловной Гайденок. Это фигура значительная, по-своему классическая в культуре, философии России второй половины XX и начала XXI века. П. Гайденок заслужила высокое признание в стране и за рубежом. Она – мыслитель, чье высокопрофессиональное, научное и личностное становление пришлось на послевоенные годы, а развитие происходило в последующие периоды. Особо распростра-

няться на эти темы излишне: Гайденко вообще-то в подобных представлениях не нуждается. А вот ее публикация в номере №4 (1990) «Вопросов философии» послужит для меня *примером, изящным образом особого вида историко-философского статейного жанра*, которым, с моей точки зрения, имеет смысл овладеть и молодым начинающим философам, опираясь на опыт признанных мастеров. Что же это за статья?

В журнале относительно краткая (6 убористых страниц) статья П.П. Гайденко скромно помещена в рубрике «Научные сообщения и публикации». Она называется «Философия культуры Романо Гвардини» и предваряет публикацию перевода, весьма объемного для журнала (36 страниц мелкого шрифта). Переведено извлечение из большой работы этого автора «Конец нового времени» – под специальным заголовком «Средние века: ощущение бытия и картина мира».

Этот единый материал, состоящий, как сказано, из вводного очерка П.П. Гайденко и упомянутого перевода (он выполнен Т.Ю. Бородай; сегодня она – видный историк философии с солидным филологическим образованием), и представляет собой образец историко-философского информирования интересующихся (а это не только философы, а люди разных интересов, именно «населяющие» широкое публичное культурное пространство) о духовных событиях, происходивших и происходящих в мире. Но по тем или иным причинам о «пропущенных», мало известных в России событиях, результатах, уже знакомых мировой культуре.

К слову, посильное выполнение такого рода задач информирования, обращенное как специалистам в других областях, так и широкой публике, считаю ответственной задачей тех философов, которые по тем или иным причинам раньше других добывают знания о захватывающих профессиональные миры актуальных событиях в сферах их научного интереса.

Можно привести остро актуальный современный пример. Среди таких дискуссий в наши дни – начавшиеся в 2014 году в зарубежном *информационном публичном пространстве* (газеты, телевидение, радио, интернет) дискуссии и профессионалов, и более широкой публики (в интернете, в печати) вокруг сенсационной публикации 94-96 томов Собрания сочинений М. Хайдеггера, которые содержат его сохранявшиеся до сих пор в глубокой тайне так называемые «Черные тетради». Представлялось необходимым быстро дать так же и русскоязычным читателям достоверную информацию о том, что именно тайно записывал в турбулентные 30-е и последующие годы этот выдающийся, по-

пулярный в нашей стране мыслитель, заключивший в 1933 году временный «пакт» с гитлеровской властью¹.

Возвращаюсь к обсуждаемому номеру «Вопросов философии» – в частности, к материалу о Романо Гвардини.

П. Гайденко правильно встраивает философию Р. Гвардини (1885–1968), этого достаточно известного на Западе, но у нас мало кому знакомого немецкого философа и теолога, в очень важный блок работ, по темам и глубине анализа сходным с «Закатом Европы» О. Шпенглера, «Восстанием масс» Х. Ортеги-и-Гассета, «Духовной ситуацией эпохи» К. Ясперса. Р. Гвардини (Guardini) – европейский мыслитель, родившийся в Италии, получил прекрасное образование в немецких университетах; он, в числе других выдающихся мыслителей, осевших в Германии, подвергался преследованиям со стороны нацистских властей и идеологов. Не стану пересказывать статью П. Гайденко – желая узнать о Р. Гвардини и его взглядах рекомендую найти и освоить обсуждаемый материал. В статье Гайденко ценны не только факты, данные, относящиеся к творчеству Гвардини, но и, например, собственные ее рассуждения о «трагедии эстетизма» (по-своему такую трагедию пережил и Гвардини). Здесь – своего рода продолжение ее же более ранних осмыслений той же темы, скажем, в прекрасной, до сих пор значимой книге об идеях и судьбе С. Кьеркегора. Что еще привлекает в обсуждаемой небольшой, но очень емкой по мысли статье-предисловии П. Гайденко, так это уместное (и характерное для 90-х годов) обращение к истории отечественной мысли, к ее страницам, содержательно пересекавшимся с одновременным (довоенным и послевоенным) творческим опытом культуры, философии Запада.

Что касается превосходного текста Р. Гвардини «Конец нового времени», то здесь один из примеров того, какое чутье, мастерство, какой вкус – и на всем протяжении как советского, постсоветского, так и сегодняшнего времени – проявляли и проявляют «Вопросы философии», постоянно публикуя на своих страницах высококлассные переводы лучших текстов мировой философии и предлагая их вниманию как философов-специалистов, так и широкого круга читателей, интересующихся философией.

* * *

Перед тем как мы, сотрудники сектора истории западной философии, собрались на наш открытый семинар, как раз и посвященный теме

¹ См. подборку статей о «Черных тетрадах» в №4 «Вопросов философии» за 2015 год (авторы: Н. Мотрошилова, Ж.-Л. Нанси, М. Габриэль).

философских статей, я устроила небольшой импровизированный опрос по этой теме ряда авторитетных коллег.

И вот в каком важном пункте они были по существу единодушны: среди самых ярких отечественных статей по философии и сегодня были названы – спустя полвека их опубликования – те, что были написаны в советское время! Так, все мною опрошенные сослались – как на до сих пор образцовые – на ранние статьи Э. Соловьева, все равно, были ли они посвящены экзистенциализму или творчеству Э. Хемингуэя («Цвет трагедии белый»). Над этим феноменом, действительно имевшим место в истории отечественной философии, еще требуется специально размышлять. Во всяком случае, здесь много общего для разных областей культуры (включая философию), что свидетельствует о высоком качестве и достоинстве, о непреходящем значении лучших творений духа, так же и тех, что были созданы в нашей стране в советское время. А значит, об относительной самостоятельности творческой мысли по отношению ко всем превратностям внешних влияний и внутренней способности к самосохранению.

Популярность статей молодых тогда философских авторов, которые, в частности, «открывали» для отечественных читателей самое важное и интересное из новых и новейших в то время направлений западной мысли, объяснялась их авторской смелостью и новизной анализа, но не только ими. Причин было немало, в том числе фон, неблагоприятный для старого и выгодный для нового творчества. Он сложился в более раннее советское время: привычными тогда были сухость, догматизм, стилистическая бледность, если не убожество типичных журнальных статей. На этом фоне лучшие философские статьи 1960–70-х годов, которые вспоминаются до сих пор, выделялись самостоятельностью, оригинальностью авторских концепций (пример: теория «стоического аисторизма», с помощью которой Э. Соловьев объяснял суть экзистенциализма), а также специальной работой над стилем, которая естественным образом была особенно успешной в случае таких литературно одаренных авторов, как Э. Соловьев, П. Гайденок, Ю. Давыдов, А. Гулыга, К. Кантор и др. Но и более скупые, что ли, по стилю и вместе с тем необычно четкие, содержательные статьи авторов, знакомивших отечественных читателей с ориентированными на науку неопозитивистскими философскими направлениями (И. Блауберг, В. Садовский и др.), читались, изучались не просто с интересом, а с воодушевлением. Особое место занимали статьи хорошо образованных молодых тогда авторов, которые писали – талантливо, содержательно, самостоятельно – о К. Марксе как философе (Ю. Давыдов, М. Мамардашвили, Н. Лапин

и др.) Я бы добавила еще один важный критерий успеха: эти статьи читали, больше того, ими зачитывались не только философы, а ученые других специальностей, и в точных науках, и в гуманитарных; часто это были творцы тоже популярных тогда произведений литературы, искусства. Суммарно предельно простой критерий отнесения любой статьи из прошлого или настоящего к статейной классике выразил В. Порус (кстати, некоторые его собственные статьи такому критерию вполне отвечают): если начинаешь читать подобную статью, то не оторвешься, пока не дочитаешь до конца...

Одним словом, лучшие журнальные статьи отечественных философов 1960–1970-х представляют собой особое историческое явление, яркое и поучительное как для истории мысли в целом, так и в особенности для тех молодых, которые сегодня только учатся, в том числе и этому авторскому жанру, так затребованному в наши дни.

И здесь вынуждена снова вернуться к уродливой форме, в которой сегодня выступает затребованность ни в чем не повинного статейного жанра.

Уродливость формы состоит, прежде всего, в том, что господство количественно-формальных, а не качественно-содержательных и просто спускаемых сверху (без учета мнений эффективно работающих ученых) «критериев» иногда склоняет и молодежь, вступающую в науку, и более зрелых (по возрасту) авторов буквально «лепить» статьи, напирая на их количество и часто не обращая внимания на качество, потом посылая их по журнальным и другим адресам, относительно которых уже известно, что там принимают все, что соответствует основному в данном случае «критерию» – предварительной оплате публикаций самими авторами...

Вот почему в наше время спокойно чувствуют себя многочисленные ловкачи (с «зарегистрированными электронными адресами и «самоаффилированием» не только с РИНЦ, но даже с Web of Science), которые через доступные электронные адреса назойливо предлагают авторам опубликовать статьи, но разумеется, на условиях предварительной оплаты. Я (конечно же, в числе многих других), регулярно получаю и отправляю в СПАМ такие письма липовых «контор» и индивидуальных «предпринимателей», в которых мне предлагают помочь с написанием как кандидатской, так и с докторской диссертаций, с написанием «нужных» статей – все, разумеется, за особую плату. Такие письма, как правило, бывают написаны предельно безграмотно. Но чего ожидать от жуликов...

Настоящая же беда в том, что из инструкций высоких управляющих инстанций (ВАК, Министерство образования и т.д.) отчетливо видно:

люди, их составляющие и постоянно вносящие «дополнения» (скажем, *теперь* 16 статей для защиты докторской, о чем уже говорилось), понятия не имеют о подлинной научной работе, обо всех ее особенностях и тонкостях. И также о том, как и какие статьи приобретают ценность в данной группе наук, в какой-либо особой науке и как они присоединяются, вернее, должны присоединяться к книжным публикациям. Полагаю, долг ученых, которым небезразличны судьбы науки, включая их дисциплину – всеми силами, *активно бороться с этим «девятым валом» псевдодеятельности враждебных науке «менеджеров»*, закрепившихся сейчас в контролирующих образование и науку инстанциях многих стран, а в нашей стране действующих особенно нагло, непоправимо уродуя сферы образования и науки, которые в прошлом, даже в советском, были гордостью России.

Но – как было показано – высококачественные *статьи*, составляющие часть драгоценного наследия и действительный актив каждого актуального периода развития науки, за это не ответственны. Обогащение статейного наследия применительно к нашим дисциплинам – задача и цель каждого из нас. Не каждому из нас, и не в любом отдельном случае, дано этой цели действительно достигнуть. Вместе с тем, наука в целом не может, не имеет права упрощать основополагающие требования и критерии подлинного научного (в нашем случае – философского) труда. Если эти совокупные требования будут соблюдаться, лучшие статьи, вслед за самыми важными для той или иной профессии книгами, займут достойное их место в истории соответствующих наук, в сокровищнице человеческой культуры.

Возвеличение журнальных статей как фон для... дискредитации сборников статей?!

Фиксируя далее перекосы в сложившихся в последние десятилетия подходах к оценке научной продукции, нельзя пройти мимо ещё одной негативной тенденции – это практически оформившееся в последнее время заведомое недоверие к сборникам статей. Оно существует сегодня на разных уровнях.

Издательства – хотя они подчас и продолжают публиковать сборники – относятся к ним как виду научной продукции все более подозрительно. (Исключение, к счастью, составляют лучшие научные издательства, например, такие, как РОССПЭН, понимающие долговременную ценность добротных научных сборников, которую не отменя-

ет, как почему-то предполагается, а усиливает электронная эра.) Журналы всё реже рецензируют сборники.

Каковы причины сложившегося недоверия? Его оправданно вызывают некоторые сборники с невысоким качеством, собираемые наскоро, без высокого проходного балла для статей и без сколько-нибудь единого замысла.

Но я буду говорить далее о принципиально иных примерах – о вышедших сборниках статей, отвечающих самым строгим научным требованиям и критериям, а потому образовавших заметные вехи в соответствующих науках и их дисциплинарных областях.

Но сначала о том, насколько сумбурной и невразумительной стала ситуация, сложившаяся в научной практике как раз в связи возвышением журналов на фоне дискредитации научных сборников. Ни в коей мере не стану оспаривать значение качественных научных журналов (особенно если для контроля и учета они отбираются, например, через списки ВАК или РИНЦ, четко, строго, согласно единым критериям и в ходе профессиональной экспертизы – в чем, однако, как я показала в своих публикациях на примере философии, существует масса перекосов). Но если и когда настаивают на том, что журналы заведомо имеют научные преимущества перед сборниками статей, нельзя не высказать серьезные возражения.

Во-первых, журналы сами по существу являются «сборниками» статей (и других единиц работы ученого вроде рецензий – по существу малых статей). При этом в журналах помещают статьи на различные темы, а сборники по преимуществу имеют (относительно) единый тематический характер. Но это никак нельзя считать недостатком.

Во-вторых, если упоминают о неудачных сборниках, то справедливо вспомнить и о том, что разные номера журналов (как и разные сборники) могут быть то более удачными, иногда образцовыми, то совсем неудачными.

В-третьих, распространены утверждения о том, что журналы, дескать, читают «все», тогда как к сборникам обращаются единицы. Не стану спорить с тем, что отдельные (опять-таки не все) статьи в журналах, наиболее авторитетных в своих научных областях, находят достаточно большое количество читателей. Это подтверждается, в частности, большим количеством посещений сайтов наиболее качественных профессиональных журналов. Так, в журнале «Вопросы философии» это в настоящее время в среднем 3000 посещений в сутки!

В этом вопросе, однако, тоже накопилось немало трудностей. Сегодня почти невозможно (даже авторам) заполучить печатно-бумаж-

ную версию журналов, так что сколько-нибудь верифицируемое понятие тиража журнала, в сущности, перестало существовать. А вместе с этим исчезла особая процедура изучения, прочтения статей журнала. Знакомство с ними на основе электронных версий весьма отличается от того, что мы привыкли понимать под освоением журнальной продукции. Новым поколениям, пожалуй, вообще неведомо, что это значило – «взять в руки» и прочесть журнал...

Допустим, верно, что сборники, как правило, находят меньше читателей, чем особенно авторитетные журналы. Но ведь предназначение таких сборников как раз и состоит в том, чтобы поддерживать в соответствующих науках специализацию, которая неотъемлема, что не нуждается в доказательствах, от прогресса в каждой научной области. И приток способных молодых ученых, выбирающих более специализированное, неизведанное, к счастью, не иссякает. Для них сборники, как будто «элитарные» – настоящая школа их профессии. Ибо лучшие из тематических сборников в конкретных научных дисциплинах (что на примерах из истории философии будет подтверждено далее) – те, которые отличаются самой тонкой, филигранной специализацией, а также те, что обращены к обобщению целостного опыта важных ответвлений соответствующих наук (скажем, истории философии или философии науки), взятых как в их историческом развитии, так и в состоянии, сложившемся в данную эпоху.

Что касается самой специализации, то её критерии для каждой отдельной области всякий раз задаются относительно небольшим количеством из общего состава ученых данной дисциплины. Должно быть ясно, что наука как раз на прорывных участках своей специализации, как правило, не руководствуется и не может руководствоваться критерием «расширения массовости читателей», оправданно считая известную элитарность самых продвинутых, поистине революционных для науки исследований неизбежной и по-своему продуктивной. «Массовость посещений» работ выдающихся ученых весьма часто приходит много позже, чем они совершают и объективируют свои открытия, подтверждений чего очень много в истории науки. Но более массовое, а иногда и всеобщее для науки признание все же приходит – тогда и «массовость» обеспечена... Вернемся к сборникам статей.

Приведу в пример те отечественные сборники статей из истории философии, которые уже признаны как принадлежащие к числу лучших произведений из историко-философской литературы XXI века.

Один ряд сборников (я не могу здесь рассматривать их подробнее) высоко оценен в разного рода профессиональных откликах – это те

тома из высококлассной многотомной серии «Философия России второй половины XX века» (издательство РОССПЭН), которые посвящены корифеям отечественной философии «нашего» времени. Отнюдь не случайно это именно коллективные сборники статей, ибо не под силу одному человеку всесторонне оценить выдающийся вклад каждого из ученых прошлого в философскую науку. Под силу это лишь тщательно, ответственно отобранной, как правило, интернациональной группе авторов-профессионалов, причем достаточно давно начавшими работать над соответствующими историческими материалами (наследие того или иного философа, литература о нем, иногда весьма обширная, имеющаяся в мировой мысли, оставшиеся документы, воспоминания и т. д.). На эти тома имеется, кстати, множество ссылок, подтверждающих их востребованность и популярность. К ним уже обращаются и несомненно будут обращаться – как к наиболее полным, систематическим исследованиям – специалисты-профессионалы из соответствующих областей знания, многие авторы и читатели, конкретно интересующиеся развитием отечественной философии в XX веке, в частности, в советское время.

Далее кратко выскажу свое мнение об одном из лучших тематических коллективных историко-философских сборников XXI века – о солидной во всех отношениях книге «Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века» (М. Прогресс-Традиция. М., 2005). В книге 880 страниц – но все они заслуживают внимания и изучения.

Высочайшее качество сборника определяется некоторыми предварительными условиями, качественно выполненными еще до его создания, а потом и в процессе работы над ним. Разберу их соответственно главным стадиям, направлениям исследований.

1. *Выбор темы.* Общая его тема – «Космос и душа» (учения о вселенной и человеке) применительно к философским учениям Античности и Средневековья является центральной, профилирующей. Она – в несколько ином виде – сохраняет неувядающее значение и для современности. Книга продолжает, и концептуально, и тематически, раньше вышедшую коллективную работу «Философия природы в Античности и Средние века» (М.: Прогресс-Традиция, 2000). Что важно: возник целостный проблемный блок исследований, где кирпичик за кирпичиком выстраивалось здание исследовательско-теоретических результатов, и сегодня приковывающее интерес, притом не только философов.

2. *Вдохновители и руководители, авторы издания.* Эдителями (как неточно выражаются у нас, ответственными редакторами) книги и также её главными авторами стали П.П. Гайденко и В.В. Петров, принад-

лежащие к высоко элитарному, не побоюсь этого слова, слою специалистов по истории античной и средневековой философии. Соответственно, успешным был и подбор других авторов статей, переводчиков (Т.Ю. Бородай, В.П. Гайденок, В.Н. Катасонов, С.В. Месяц, Ж.-Т. Нарбонна, А.В. Серегин, М.А. Солопова, Ю.А. Шичалин, А.М. Шишков – всё это признанные, авторитетные в своей области ученые).

3. *Структура сборника.* Статьи продуманно сгруппированы по проблемно-тематическим разделам: Космос; Единство и Множественность; Космос и душа; Душа и тело; Душа и ум; Космос и Абсолют.

4. *Выбор и анализ главных философских фигур и теоретических достижений эпохи.* Вклад выдающихся мыслителей анализируемого исторического времени (Платон, Аристотель, Максим Исповедник, Фома Аквинский, Плотин, Оригена и др.) представлены и в переводах, и в толкованиях.

5. *В надежности, добротности проделанной работы не возникает сомнений* – в силу многократно подтвержденной высококлассной квалификации и ответственности авторов, образующих (относительно) единую школу отечественных историков философии, античников и медиевистов.

Число примеров подобных же по качеству, по высокому и долговременному значению сборников статей, коллективных монографий с единым замыслом – не бесконечное, но все же солидное, убедительное. (Понятно, что подробно говорить о них, хотя бы и применительно лишь к историко-философской области, в статье ограниченного объема нет возможности).

Здесь для примера взята лишь одна книга (кстати, красиво оформленная, прекрасно напечатанная на хорошей бумаге); она опубликована издательством с высоким реноме. В издательстве, видно, понимали, что вместе с авторами делают не какую-то однодневку, а книгу длительного исторического пользования – из тех, которые и далее сохраняют свое историческое значение. С высокой степенью вероятности можно предполагать, что такие книги поступят в распоряжение потомков – подобно тому, как в наше время (несмотря на электронный поток, куда часто попадает обреченный на забвение «мусор») мы «держим в руках» именно книги, пережившие свое время. Следовательно, и сегодня профессиональные, добротные исследования, соответственно, статьи, отличающиеся высокой точностью, достоверностью и глубиной анализа создаются и отбираются историей – независимо от того, где потом (в журнале, сборнике, интернете) статья или комплекс статей выйдут в свет и поступят в распоряжение трансгисторического сообщества.

И потому я никак не могу взять в толк, почему мы сегодня должны оценивать существующие в виде статей исследования, опубликованные в (высококачественных) коллективных сборниках, много ниже, чем статьи, появившиеся в журналах... Думаю, что тут решают не сколько-нибудь здравые, рациональные доводы и что мы опять сталкиваемся здесь с одним из проявлений вздорных, иррациональных «инициатив», которым несть числа в сегодняшней практике и политике в отношении науки.

Разговор о философских (также историко-философских) статьях не закончен. В частности, большое значение имела бы *репрезентативная экспертиза* достаточно массового качества статей, которые «рождены» в новых условиях «массового» и преимущественного спроса именно на них и преимущественно количественных критериев эффективности, «спущенных» сверху...

Литература

- Габриель М.* Нацист из засады // Вопросы философии, 2015, №4. Электронный ресурс. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1147&Itemid=52
- Гегель Г.Ф.В.* Работы разных лет в двух томах. Т.1. М.: Мысль, 1970. – 641 с. Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований // Рос. акад. наук, Ин-т философии; Сост. и отв. ред. А.В. Рубцов.– М.: ИФ-РАН, 2012. – 159 с.
- Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Сочинения на немецком и русском языках. Издание подготовлено Н.Мотрошиловой и Б.Тушлингом. Т. I. М.: Издательская фирма АО «Ками», 1994. – 498 с.
- Мотрошилова Н.В.* «Черные тетради» М. Хайдеггера: по следам публикации // Вопросы философии, 2015, №4. Электронный ресурс. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1146&Itemid=52
- Мотрошилова Н.В.* Тройственная статья, ее значение и акценты // Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академический проект, 2012. С. 269–275.
- Нанси Ж.-Л.* Хайдеггер и мы // Вопросы философии, 2015, №4. Электронный ресурс. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1142&Itemid=52
- Irrlitz Gerd.* Kant-Handbuch. Leben und Werk. Stuttgart. Weimar. 2002. – 575 с.

История философии в формате статьи
научное издание

Составитель и отв. редактор Ю.В. Синеокая
Макет и вёрстка И. Бернштейн

Подписано в печать 01.02.2016.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитуры PT Serif, PTSans. Печать офсетная.
Печ. 15,25. Тираж 400 экз. Заказ №

Издательство «Культурная Революция»
Адрес: Москва, ул. Новосущёвская, д. 19б
Телефон (499) 973 1662, e-mail editor@kultrev.ru